

От автора

В этой книге воплотилась моя давняя мечта объединить под одной обложкой три романа о самых романтических городах мира — Питере, Венеции и Париже. Каждая из историй, как и каждый из городов — со своим сложным характером, со своей драматической судьбой, со своей толпой и надеждой на удачу. Именно в эти города стекались те, от кого удача постоянно убегала. Им казалось, что приехать сюда стоило только ради того, чтобы тебе фартило всю оставшуюся жизнь. Они еще не знали, что совсем скоро город проникнет в их дом, в их постель, он будет все время рядом; куда бы они ни уезжали.

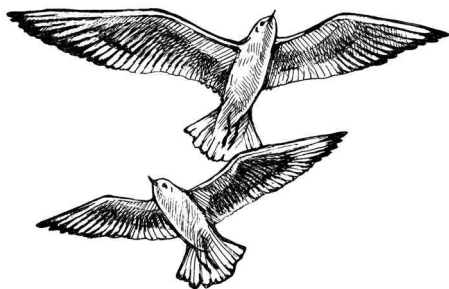
Поэтому не случайно три романа, три поцелуя, три судьбы объединила одна героиня по имени Фортуна. Во всех трех историях она такая притягательная и такая знакомая. Мужчины влюбляются, женщины страдают от зависти. Лично мне ее бесконечно творческий характер напоминал одну неугомонную пчелу, которая то зло кусала меня, защищая свое личное пространство, то угощала меня бескорыстно медом, объясняясь в любви.

- Ты безумна, — говорили одни.
- Я знаю.
- Ты невыносима, — говорили другие.
- Знаю.
- Временами ты просто мегера.
- Знаю, знаю. Хватит признаваться мне в любви.

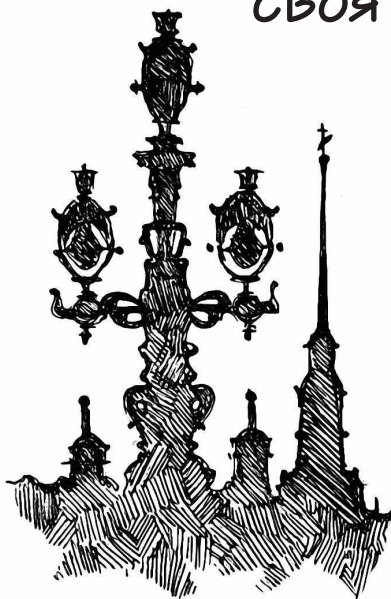
Я знал, как она выглядит, но передал ее образ только словами. Мне хотелось, чтобы читатель тоже смог увидеть героиню

ню. И тут фортуна мне улыбнулась: я познакомился с замечательным художником Натальей Трипольской. Она так прониклась этими историями, что смогла создать на бумаге целый мир, в котором живет Фортуна. Это была та самая Фортуна, которую я себе представлял, о которой писал. Наконец-то я ее увидел! Вот она: с одной стороны, самая обычная женщина, с другой — яркая, харизматичная. В этих картинах характер Фортуны переплетается с настроением каждого из трех великих городов. Иллюстрации к книге так же искренни и многослойны, как и судьбы героев романов. Замысловатая графика намеков и интриг придает тексту дополнительное пространство, в котором можно бродить, словно в лабиринте, разглядывая граффити на стенах.

Искренне Ваш, В. Ринат.

В каждом молчании
своя истерика

Стоит быть Богом хотя бы для того, чтобы верили.

* * *

Перед прыжком я на автомате проверил подвесную, карабины и как руки дотягиваются до систем основного и запасного парашютов. Потом оглянулся и посмотрел на Антонио. Он нервничал и, отводя глаза, хлопнул мне по груди дважды ладошкой. Губы мои нарисовали в воздухе «с Богом», в следующую секунду я решительно шагнул в открытый воздух, который, пытаясь подхватить меня, быстро разогнал до пятидесяти метров в секунду. Раскинув в стороны руки и ноги, будто пытаясь объять необъятное, я радовался птицей и любовался пейзажем внизу, который тоже спешил ко мне навстречу. Всеми своими клетками я ощущал, насколько тот притягателен. Земля хотела обнять меня. Я уже предвкушал то самое острое ощущение, когда должен раскрыться парашют и тело мое зависнет в тишине, достигнув терминальной скорости, когда я смогу просто лечь на поток воздуха. Свист тишины в ушах превратился в один сплошной крик неба, когда яркая лампочка солнца неожиданно осветила в памяти истошный вопль маленькой Фортуны в испанском парке «Авентура» и ее лицо, искаженное капризом. Девочка непременно желала получить желтого цыпленка, которого я только что случайно выиграл в одном из аттракционов. Из ее чистых глаз катились отборные слезы.

— На! Воспитывай! — недолго думая, протянул я девочке игрушку. Та обняла ее, засветилась, и цыплят стало двое. Антонио, ее отец, в знак благодарности протянул мне открытую бутылку «испанской крови». Я глотнул вина, и мы двинулись к выходу. К жаркому солнцу на небе, от которого сильно хотелось спрятаться в тень или в море, прибавилось еще одно: Фортуна порхала от счастья впереди нас, мы втроем: я, Антонио и его жена Лара — брели, оплавленные жарой и вином, сзади.

Тем летом я отдыхал с семьей моего лучшего друга на побережье Средиземного моря. В то время как мы разлагались на пляже, жена моя с сыном осталась дома. Несмотря на осень, климат в Испании в это время мне показался гораздо приятнее, чем в семье. Я видел разные семьи — счастливые и не очень, многочисленные и неполные, богатые и с низким уровнем жизни, с террасами для вдохновения и с тесными кухнями, где пространство было заставлено квартирными вопросами, — моя семья была без удобств. Причина, конечно же, лежала во мне. Она жила во мне своей личной жизнью и диктовала свои требования, она играла ту самую главную роль любой причины: причинять неудобства.

Номер в отеле был однокомнатный с балконом, с видом на соседний отель. Две двуспальные кровати и раскладушка. Я сразу же занял раскладушкой балкон, там и проводил все ночи под настольной лампой луны и скрипичную симфонию сверчков. После ужина в отеле Антонио и Лара, словно по договоренности, уединялись в номере, а мы с шестилетней Фортуной шли изучать окрестности, пройдя сквозь лавку, где я покупал для нее сладости, себе — бутылочку красного и хамон.

— Сегодня мы пойдем вот к той горе, видишь? — указал я ей рукой, когда мы вышли с Фортуной к побережью, которое переливалось праздными огоньками фламенко. Потом откупорил бутылку, понюхал и сделал хороший глоток. Красная магия враз погасила внутривенную жажду.

— На которой огни? — Девочка все еще надеялась, что я передумал.

— Да.

— Фу ты, так далеко. А она сама не может к нам подойти?

— Будь ты Мухаммед, она бы подошла, — взял я ее за руку.

— А это кто?

— Пророк.

— Пророк — это тот, кто предсказывает? — не останавливался поток ее мыслей.

— Да.

— Значит, как мой дедушка. Он тоже любит предсказывать футбол и погоду.

— Ну и как?

— По-разному, — сжала Фортуна крепче мою ладонь.

Мы шли медленно, наматывая на свои ноги набережную, которая, казалось, была бесконечна. Несмотря на быстро сползающие сумерки, народу на побережье не убавлялось. Люди шли, зеркально-заинтересованные своим отдыхом, и в одну, и в другую сторону. Фортуна уже отцепилась от моей руки и весело скакала по плиткам дорожки, наступая на избранные, то и дело подбегая ко мне за новой конфетой. Потом снова исчезала, позвякивая розовым рюкзачком. Я протягивал ей кулек, из которого она вылавливала очередную порцию допинга, и удалялась. Я же прикладывался к стеклу бутылки, делая небольшие глотки прекрасного испанского пойла. Рьоха была моей любимой женщиной в этот вечер.

— Ты не скучал? — наконец, устав прыгать по тротуару, спросила она и повисла на моей руке.

— Нет. Я не умею скучать, — свернул я с асфальта на песок, ближе к морю.

— Правда?

— Да.

— А меня научишь? Я жутко как скучаю, когда одна, — согласилась ее ноги с изменением маршрута.

— Хорошо, — глотнул я вина.

— Сейчас? — улыбнулась она.

— Нет, вот когда тебе станет скучно, тогда и начну учить, — сел я на песок и стал снимать сандалии. Фортуна тоже последовала моему примеру.

В этот момент, оторвавшись от стайки людей, рядом с нами полуобнаженной кометой пронеслась женщина, взвизгнув тормозами голосовых связок, за ней мужчина. Вскоре он ее догнал и завалил на песок. Женщина смеялась о чем-то безудержно, пока он не заткнул ее смех поцелуем.

— Не смотри, они целуются, — отвернулась от них Фортуна.

— Прямо жених и невеста.

— А где твоя невеста? — опять уставилась на парочку Фортуна.

— Невесты нет, есть жена, она осталась дома с сыном.

— Я тоже когда-то хотела братика. Потом решила, что лучше собаку, — отложила сандалии в сторону и увлеклась

своими маленькими пальчиками на ногах, перебирая их, как кнопки баяна.

— Чем лучше?

— Она будет моя.

— Логично. Разве у вас есть собака?

— Нет, вместо собаки мне купили платье, вот это, — встала она и расправила его. — Правда, я в нем похожа на невесту?

— Правда, — отхлебнул я из бутылки тринадцатиградусный закат.

— Ты женишься на мне, когда я вырасту?

— У меня уже есть одна жена.

— Может, разведешься? — посмотрела она на меня украдкой.

Я никак не ожидал такого поворота:

— Может, лучше искупаемся?

— Я бы на месте тети Милы своего мужа никогда бы одного не отпустила, — настаивал на своем предложении цыпленок.

— Почему?

— А кто бы тогда любил меня? Мне нравится, что ты разговариваешь со мной как со взрослой, — поправила она косички.

— Мне тоже, — не придумал я ничего больше для ответа.

— А ты не знаешь, отчего появляется седина? — неожиданно достала из оперативной памяти залежавшийся вопрос Фортуна.

— От похолодания в мозгах.

— Мама говорит — от любви. У моего папы уже есть на висках, я видела, когда его причесывала. Ты веришь в любовь с первого взгляда?

— Нет, я верю только в кофе, утром, дома, сваренный не мной.

— Я тоже не верю.

— Тебе еще рано.

— Нет, не рано. У меня уже была. Правда, мало.

— А что случилось? — спросил я серьезно.

— Он попросил у меня карандаш. Я сказала ему, что дам, если возьмет меня в жены. Антон сказал, что подумает, и взял карандаш у Оли. С тех пор я не люблю имя Антон.

— Из-за карандаша?

— Да нет, не только. Вот папа всегда твердит, что любит маму, а как праздник — танцует с тетей Милой. Потом мама плачет всю ночь или, чего хуже, вешается тебе на шею.

— Чем хуже? — вспомнил я один из вечеров, когда она, пьяная, признавалась мне в несуществующей любви. — Это же только танцы.

— Значит, ты не любишь мою маму?

— Нет, — ответил я без раздумий, глядя на одинокую яркую звезду в небе, как на икону.

— Какое счастье!

Я тоже почувствовал себя счастливым после этого простого признания.

— И она тебя не любит?

— И она меня, — стянул я с себя шорты.

— Ах, — озвучило за нее волной и донесло до меня еще один вздох облегчения море.

— А папа любит тетю Милу?

— Не думаю.

— А ты подумай.

— Нет. Они просто дружат.

— А чего тогда мама так расстраивается?

— Мамам только дай повод, — стянул майку и кинул на песок. Потом подошел к самой воде так, что набегавшие на берег волны могли хватать меня за щиколотки. Ветер направил на меня свое дуло, пугая порывами и демонстрируя, что чем шире ты открываешь для себя мир, тем мощнее сквозняк. — Купаться будешь? — крикнул я Фортуне, которая уже достала из рюкзака совок и рыла им песок, думая про себя, насколько песочниц хватило бы этого пляжа.

— Я не люблю ветер, — ответило мне не по годам мудрое дитя.

— От ветра я тебе дам одеяло.

— Какое одеяло? — оторвала она голову от своего мира, где она жила в золотом вихре своих роскошных волос.

— Голубое, — залег я на границе воды и суши. — Вот смотри, — сделал я вид, что прихватил накатившую волну, натянул ее до груди и отпустил. Одеяло съехало обратно.

— Ух ты! Я тоже так хочу!

Фортуна быстро вынырнула из своего сарафанчика, под которым был купальник, и легла недалеко от меня, задрав голову, пытаясь поймать свое одеяло. Но волна никак не хотела ее укрывать.

— Холодно. Ты все одеяло на себя стянул, — собралась она обидеться.

Но в этот момент появилась именно та самая седьмая волна, которая закутала нас обоих в один соленый смерч. Я был начеку и подхватил за руку девочку, которая не успела испугаться, лишь весело взвизгнула, а придя в себя, начала ладошкой сгонять морскую воду с лица:

— Здорово! Еще хоч.

Мы побарахтались в пучине некоторое время, затем выбрались на берег, отлежались, оделись и начали метать в море камни, кто дальше, пытаясь попасть в лунную дорожку.

— А почему море волнуется? — новые вопросы возникли в маленькой желтой голове с косичками.

— А кому понравится, когда кидают камнями?

— Оно и раньше волновалось.

— Ну, мы же не одни. Кстати, нам пора уже обратно, пойдем? — метнул я к звездам каменный кусок земли. Туда, где бледная луна уже игриво покачивала стройной ногой. Она смотрела на собственную дорожку, которая делила море на две части.

— Угу, — запустила Фортуна еще один своей тонкой ручонкой. Отряхнула ладони, поправила сарафан, я подал ей руку, и мы двинулись в обратный путь. Было заметно, что ребенок устал: мячик сдулся и уже не прыгал.

— Забирайся на шею, повезу тебя как принцессу, только, чур, за звезды не цепляться, — пытался я приободрить остатки ее духа.

— А ты принц, который сильно в меня влюблен, — сидя на моих плечах, осторожно обхватила она мою голову руками, чувствуя себя королевой бала.

— Безумной большой любовью.

Я держал ее маленькие ножки для подстраховки, те бились мне в грудь при каждом шаге, будто хотели достучаться до сердца.

— А маленькая, она какая?

— Когда женятся, заводят детей и наблюдают за большой по телевизору.

— Значит, у моих родителей маленькая, — с грустью заметила Фортуна и замолкла на некоторое время.

В холле отеля мы встретили Антонио. Он тонул в большом кожаном кресле, держась за журнал, как за спасательный круг.

— А ты что здесь?

— Вас думал перехватить. Анекдоты читаю, — предложил нам Антонио свои немного уставшие глаза, которые только что были завернуты в газету.

— А где мама? — повисла на шее отца Фортуна.

— В номере, ждет тебя. Фортуна, ты все анекдоты помяла, — начал он расправлять пострадавшую бумагу.

— Так они еще смешнее будут, — заступился я за Фортуну.

— Мы еще с дядей Оскаром прогуляемся перед сном. А ты беги к маме, — посмотрел Антонио на свою дочку.

— Нет, хочу анекдот, — осветила своими большими глазами отца девочка.

— Они для взрослых, Фортуна.

— Ну и что?

— Ладно, слушай. «Вечер обещает быть замечательным», — солнечно улыбнулся день. «Вечер наобещает, а мне расхлебывай, — недовольно зевнуло утро. — Пойду лучше заварю себе чаю».

— А что такое «расхлебывай»? — пропищал цыпленок.

— Ладно, Фортуна, давай к маме. Она тебе расскажет.

— Еще хочу!

Мы с Антонио переглянулись.

— «Уходишь?» — «Да». — «Насовсем?» — «На работу».

— Уже лучше, — улыбнулся я.

— «Вчера проснулась, а тебя нет. Где ты был, дорогой?» — «А где ты проснулась, дорогая?»

— Тоже не смешной, — пожал плечами ребенок. — Пока, дядя Оскар, пока, папочка, — поцеловала девочка в щеку отца и побежала по коридору в номер, сверкая своим свадебным платьем.

— Пока, милая! — лизнул он ее воздушным поцелуем. После этого сложил газету, и мы двинулись в бар, куда уже давно спустилась ночь. Атмосфера внутри была накурена, публика порывиста, юбки коротки, музыка игрива.

* * *

«Какое ласковое семейство улыбок», — посмотрела Лара на мужчин, встретивших ее в холле. И улыбки эти, словно гладкие

прохладные рыбки, сверкающие чешуей зрачков, норовили проскользнуть под платье или даже под кожу, чтобы купаться затем там, в океане ее души, питаться ею и тут же гадить. «Нет, не люблю я улыбающихся мужчин или, точнее сказать, не доверяю», — отмахнулась она от их лести легкой походкой, оставив лифт наедине с его пустотой.

Ночь сопела, звенели звезды, танго кумара в местном баре. Из соцветий беспечно лился приятный голубоватый свет, лепестки — розовые, красные, свежие — манили в полумраке, поблескивая открытыми участками кожи, подобно тем участкам, на которых можно было возделывать сады и собирать урожаи. Мимо нас прошел мужчина с бокалом в руке, к кронам многочисленных столов — сорвать один из цветков, зная, что, скорее всего, он потеряет здесь ползарплаты, полночи, лицо наутро, и все это ради того, чтобы понюхать любовь.

Мы заняли столик подальше от барной стойки и мариновали губы в вине и бесполезных разговорах. От нечего делать я наблюдал за соседним столиком, там в поту уставших бокалов мужчина томил молчанием свою женщину, ладонь ее приютила половину лица, она грустила, словно «дама с абсентом» Пикассо. В этом взгляде читалось длительное отсутствие кого-то и полное — себя, два вселенских мазка в глазах говорили, что женщины пьют не от хорошей жизни, женщины пьют от жизни горечь глотками любви. В тумане сигарет нас обнимал Синатра. Когда неожиданно ножницами оголенных стройных ног бар ровно на две половины разрежала прекрасная женщина. Ноги направлялись прямо к нам: это была Лара.

— Такая красивая сегодня, ты что, влюбилась? — встал и начал ворошить стулья Антонио.

— Да встретила одного лет пять назад, до сих пор не оторваться, — облагородила она своими формами наш мужской клуб.

— Как ночной проспект сверкаешь, — добавил я от себя лично. Мне пришлось прибавить звук своему голосу, чтобы эти комплименты оказались ярче, нежели те, что раздавал всему залу Синатра. — Вилки замолкли, стекло перестало звенеть, мир парализовало. А всему причиной твоя красота.

— Хочешь мою жену? — расщедрился Антонио на волне испанского красного.

— Нет, для адюльтера мы слишком крепко подсели на дружбу и на красное, — поднес я бокал к губам, и лоза ароматов окутала мои ноздри.

— Какой ты добрый, Антонио. То, что ты такой щедрый, еще не значит, что я соглашусь, — засмеялась Лара.

— Нет, не добрый, он великодушный, — поддержал я в трудную минуту Антонио.

— Я знал, что ты меня никогда не предашь, Лара, — добавил он, извиняясь за тупую шутку.

— Откуда такая уверенность? — все еще обижалась на него жена.

— От рождения, — снова вступился я.

— Теперь я не уверена, — улыбнулась Лара. — Я вот до сих пор не знаю, что это такое и откуда берется, хотя пользуюсь постоянно, — поправила она свое короткое платье.

— Уверенность — это когда начихать, что о тебе думают остальные, — налил себе еще вина Антонио.

— Ну, тогда мог бы и мне заказать что-нибудь, а не философствовать, — начала изучать этикетку на бутылке Лара. — Сухим балуетесь? Я бы не отказалась от кавы.

Антонио, получив задание, двинулся к бару, ловко лавируя между отдыхающими. Вскоре мы потеряли его из виду, он канул в пучине сверкающей стаи тел, и наши глаза вернулись к столику, к корзинке с хлебом, бокалам с вином, закускам, друг к другу.

— Сколько вы уже выпили? Что-то он раздухарился, — взяла в руки салфетку Лара.

— По паре бокалов. Хочешь попробовать этот нектар? — протянул я ей свой.

— Как погуляли с Фортуной? — пригубила и вернула она мне фужер. — Терпкое очень.

— Прелестно.

— Она тебя не утомила своими вопросами?

— Нет, вопросы были исключительно сердечного плана. Мне кажется, это я ее утомил, — зацепил я пальцами бледный лоскут хамона и демонстративно положил себе на язык.

— Да уж, уснула буквально за минуту.

— Очень толковый цыпленок, — с удовольствием приватизировал я соленую терпкую плоть.

— Ага, знаешь, что она подарила папе на день рождения? Набор нарисованных от руки открыток.

— Хорошо рисует?

— Да, десять открыток с бутылками и бокалами с вином.

— Я же говорю — смышленная. Даже не понимаю, в кого из вас?

— Все лучшее в детях — от женщин. Кстати, о женщинах. Мы уже несколько дней в Испании, а ты до сих пор один. — Лара пыталась поймать мой взгляд, который блуждал по окрестностям танцующей галактики в поисках сверхновых звезд.

— Ты тоже под впечатлением этого мифа, что я ни дня не могу без женственности?

— Вот и я говорю, что странно.

— Во-первых, я на отдыхе, во-вторых, женат, — пытался я защитить свое благородное имя, отдирая от своей шкуры ярлык ловеласа и сердцееда. Так как никогда не был тем, кем меня близоруко видели друзья и знакомые. Возможно, виной тому был избыток моей фантазии.

— Только не говори мне, что ты решил вернуться к своей жене, — напомнила мне Лара, что у Антонио от нее нет секретов.

— Скажу, раз ты настаиваешь: сегодня у меня будет свидание.

— Ты серьезно? Свидание... — задумчиво произнесла Лара, и даже в этой темноте было видно, как у нее румянцем выступила зависть. — А говоришь — отдыхаешь? Где ты ее нашел?

— Сегодня днем, в холле. Она сидела передо мной, перелистывая свои бесконечные ноги, а я, еще ни разу не читавший таких интересных книг, не знал, с какой страницы начать этот роман.

— Конечно, ты же не знаешь испанского!

— Не знаю... Пока, надеюсь, что языки передаются поцелуями. Как ты считаешь?

— Какой же ты подлец, всегда умеешь так красиво завернуть. Ты настоящая отравка, ты любовный яд, счастливый недуг. В любом случае все зависит от тебя. Каждый мужчина на свидании — это, по сути, боец, штурмующий неожиданно возникшую на его пути прекрасную сексуальную крепость. Несомненно, его ждет успех, если он будет действовать под девизом: «Взять любой ценой». Еще ни одна женщина не могла устоять